

ДЕНЬГИ

Книга о любви

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Надя Крум

Деньги. Книга о любви

«Автор»

2026

Крум Н.

Деньги. Книга о любви / Н. Крум — «Автор», 2026

У Павла есть тайная страсть. Это не женщина, не страсть и не мечта. Он успешный столичный карьерист. Меняет компании, проекты, людей — с легкостью, которую сам не понимает. Умен, обаятелен, собран. Но внутри — разъедающая пустота. Ее нельзя заполнить властью, сексом или отношениями. Марина знает правила игры. Хочешь любви — стань товаром. Она выучила это на горьком опыте и почти готова принять условия. Нике двенадцать лет. Она пишет рассказы, которые никто не читает, и смотрит на взрослых с безжалостной ясностью ребенка. Ей уже пора выбирать какой взрослой стать. Их трое. Они связаны тайной, о которой никто из них не догадывается. «Деньги» - это книга про любовь. Про подмену, которая происходит внутри каждого из нас, когда мы перестаем отличать ценность от цены. История о том, как вернуть себе способность любить — когда ты уже забыл, что это значит.

© Крум Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. ЦУМ	5
Глава 2. Нежность	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Надя Крум

Деньги. Книга о любви

Глава 1. ЦУМ

Ненавижу такие долгие поездки в метро.

Девушка, стоящая напротив меня в красном пальто — сколько стоит её пальто? Боже, эти ткани. Готов спорить на следующую премию, что она в метро по той лишь причине, что поссорилась с тем, кто раньше это пальто бережно усаживал в салон и отвозил до нужного места. Или осталась без машины из-за аварии или прихоти перекрасить её под цвет своих зеленоватых глаз. Не разбираюсь в машинах. Не люблю их. Но не люблю ездить с незнакомым таксистом туда, куда собираюсь сейчас. На фиолетовой ветке возможность встретить кого-то из знакомых минимальна. А её пальто очень красивое.

Я встаю, неспеша подхожу к девушке. Она облокотилась там, где запрещено из соображений безопасности. Её лицо — отражение в экране телефона, она видит его, стеклянное, когда экран гаснет, но сейчас она мерцает пикселями и это не даёт ей задуматься о плохом. Встаю рядом с ней. Смотрю в противоположную сторону. Незаметно скольжу рукой по стенке двери вагона. Разглядываю потолок, чьи-то ноги. Сосредоточенно ищу пальцами красный подол. Со стороны любой может подумать, что я пытаюсь вытащить у неё кошелек, это может привлечь ненужное внимание, поэтому надо быть ещё осторожней, во много раз осторожнее, чем любой карманник. Вот оно — нежность оказывается в моих пальцах, аккуратно указательным и большим растираю краешек её верхней одежды — это кашемир. Закрываю глаза, вспоминаю широкие ряды ЦУМа, как всё горит огнями, как продавцы презрительно смотрят на зевак, считая ниже своего достоинства поприветствовать тех, кто выглядит дешевле, чем средство для мытья полов в их отделе.

Когда мне только исполнилось восемнадцать лет, незадолго до окончания школы, я впервые приехал к двоюродному брату в Москву — посмотреть на роскошь. Он отвёл меня в это место. Мне было стыдно даже краем ботинка пересечь вход в магазин с дизайнерской одеждой или наручными часами. Я вёл себя непринуждённо, но моё сердце щекотало счастье, как у иного ребёнка из провинции в центральном детском магазине, где целые замки из лего, кукол и зверей, которых можно щупать, тискать, играть. Я хотел поиграть с каждой вещью в этом раю. Хотел их себе. Сладость от обладания красотой и утончённостью возбудила меня. Я пошёл в туалет, заперся в белой кабинке. Кровь пульсировала в кончиках пальцев, пробивалась в виски. Стало жарко. Я снял с себя джинсовую куртку, купленную в секонд-хенде, сел на унитаз. Обхватил голову руками. Даже запах освежителя в этом торговом пространстве казался мне элитным и сводил с ума.

Минуту или две мне казалось, что мне плохо и нужен врач, пока я не понял, что все ощущения моему телу уже знакомы. Я дышал тяжело, глубоко, на лбу выступали капельки пота. Футболка под мышками изменила цвет и стала источать запах пубертатного безумия. Я посмотрел на промежность. Вспомнил, что во внутреннем кармане на молнии лежала одна важная вещь. Медленно, как под водой, я потянулся правой рукой к куртке. Вжикнул молнией и достал свёрнутую в два раза пятитысячную купюру. Это были все деньги, которые я взял с собой в Москву, чтобы воочию видеть сколько расходую — со средствами на карте я мог не уследить в кураже, а нужно было ещё купить обратный билет завтра-послезавтра.

Сердце перестало колотиться в лихорадке и вдруг стало отдаваться в голове чёткими, звучными ударами — БОМ, БОМ, БОМ. Я сглотнул и замедлился. Взяв купюру в левую руку и не отрывая от неё глаз, правой рукой убрал со лба намокшую чёлку, потом расстегнул пуговицу

на джинсах, расстегнул молнию, вытащил из растянутых трикотажных трусов член и начал дрочить. Первые несколько движений я сделал с чувством непонимания и стыда, будто сам не осознаю что делаю, а кто-то управляет моим телом — снимает на скрытую камеру. Ещё толчок — я заметил как красиво блеснула под лампочкой серебристая отметка на левой стороне банкноты. Намного прекраснее блеска всех глаз, что я видел. Я начал двигаться быстрее. Красно-оранжевый цвет, как солнечная вспышка, заполняет всё поле купюры. Герб с медведями, нули, симметричные линии, номер — вы так красивы, у меня будет вас много, мы будем весело проводить время, о, как же чудесно держать вас в руках, в моих грязных руках, сколько вас держали, лапали жирными пальцами, вы ведь мятенкие, шлюшьи рубли, хочу сделать дырку прямо в брuxe этого памятника и трахнуть прямо в неё, да, да, грязные деньги да...

Я сжал колени, едва успев накрыть ладонью головку до эякуляции. Банкнота немного смялась спазмом в ладони. Я до крови прикусил губу, чтобы не издать ни звука, дыхание тяжело вставало в прежнюю колею.

— Всё нормально? — услышал я голос брата за дверью кабинки.

— Да, — крикнул я дрогнувшим голосом. — Живот скрутило, сейчас.

Я ещё раз посмотрел на банкноту, решив не думать о произошедшем и не размышлять о значении этого. Быстро сунул её в карман джинс, запомнив, что когда выйду надо переложить в более надёжное место. Оглянулся в поисках туалетной бумаги. Как же чудесно, что я в Москве, здесь в общественных туалетах вовремя довешивают бумагу, не знаю какого оттенка красного было бы моё лицо от стыда, если бы пришлось просить платок у Артура, который ждёт меня снаружи и объяснять что-либо.

Спасибо, спасибо, что ты висешь здесь на месте.

Я встал, спустил воду и вышел.

Вагон дёргается. Я открываю глаза.

Девушка в красном пальто смотрит на меня. Я всё ещё держу край её рукава. Плохо. Очень плохо. Я уже выгляжу как маньяк из метро.

— У вас очень нежное пальто, это кашемир? — говорю я, отпуская ткань. — Вам очень идёт.

Она улыбается. Её лицо смягчается, подозрение тает.

— Спасибо.

Я улыбаюсь в ответ, сую руку в карман. Оглядываюсь — я проехал на станцию дальше. И стоит ей открыть рот, чтобы продолжить знакомство, я выскакиваю из вагона и ухожу, не оглядываясь, наверх, под ветер и морозящий дождь.

Глава 2. Нежность

Марина лежала на смятом одеяле, закинув одну тонкую руку за голову, а другой прижав грудь плотнее к телу, чтобы соски не скатывались по бокам. Левую ногу она согнула, наклонила коленом внутрь. Носок правой натянула — чтобы выглядело инстаграмно-естественно, чтобы не бросалось в глаза, что это абсолютно не свойственная ей поза. Если приглядеться — она слегка выгнула спину, чтобы живот с проколотым белым камешком пупком был плаستيково-плоским. Подбородок вскинула вверх, согнув шею, закрыла глаза. Так не было видно отросших тёмных корней под давно не обновляемым балаяжем. Косметики на ней не было — она использовала освещение, затаиваясь в тени и пасмурных лучах из окна так, чтобы вышло выгоднее всего. Зелёные кружевные трусы гармонировали с серебряным браслетом-цепочкой на шее.

Марина очень хотела быть красивой в этот момент.

Она не была той девушкой, которая уже сделала для этого всё возможное, потратив пятнадцать часов и чуть больше в тысячах денег. Она под закрытыми веками представляла себя со стороны — моим взглядом. И оценивала. Попутно перебирая, какая фраза после нежного послеобеденного секса прозвучит наиболее ненавязчиво, будет понята, подхвачена разговором.

— Мне так тепло в твоей квартире, — сказала она звучно, но приглушённо, с хрипотцой, будто спала всё это время, а вовсе не выжидала удачный момент. — Так уютно. Хотела бы я здесь находиться дольше. Это сделало бы меня такой счастливой. Я бы чувствовала, что мне не нужно никуда идти. Я могу тут лежать и смотреть на тебя.

Это звучало бы очень действенно, если бы я не видел, как Марина читает статьи про тысячу и один способ навязать мужчине свои желания. Она хочет ко мне переехать. Она хочет тот образ, который я ей навязал, — а квартира, между прочим, не моя. Но выглядит намного лучше всего, что я представлял себе, когда думал о домах в детстве. Ровные бежевые стены спальни. Модная кухня из «Икеи». Ламинат везде, а не только в комнате, куда пускают гостей.

Когда я был ребёнком — лет до шестнадцати, до двадцати, — я и подумать не мог, что так можно жить. В такой вот журнальной квартире. Я часто смотрел, как сестра играет в «Симс»: создаёт мир, чтобы кто-то гадил и ел в нём, рожал поворотом в воздухе детей и тянулся на солнце. Я никогда не понимал, почему это так важно для неё. Она была старше на много лет, у неё было куда больше шансов свалить далеко-далеко, никогда не соприкасаясь с обшарпанным крашеным полом своими ногами в тапочках из «Фикс Прайса». Но теперь я понимаю: она чувствовала себя фокусником, впечатляющим наивную публику. Создавала иллюзию созидания для себя. Могущество, при котором она — элита, а не среднестатистический потребитель.

И сейчас Марина смотрела вокруг и видела ту же иллюзию. Только для неё элитой был я.

Кровать невысокая — можно свесить ноги и почувствовать пятками ворсистый, массирующий ковёр. Окно большое. На нём тонкая кружевная вуаль — мама очень любит тюль. Это секрет для подсматривающих, лёгкий намёк на интимность. Хотя на восьмом этаже заглядывать в окна сложно.

— Я люблю тебя, — сказал я. Так же тихо, как она.

Это было бы правдой. Если бы я не любил кое-кого другого.

Марина улыбается, перекачивается на живот, смотрит на меня снизу вверх из-под упавших прядей волос. Я вижу: её нарощенные ресницы почти исчерпали себя. Брови стали светлее. Её лицо в улыбке — лучшее, что я мог увидеть на этом одеяле с утра. Её голая спина — заповедник для моих диких желаний. Я сижу, согнув ноги, край одеяла между моих ног, руки повисли на коленях. Поднимаю руку, несую по воздуху к ней, как важный груз. Но опускаю не на кожу и мурашки, как она представляет, а на макушку. Глажу по голове, как ребёнка. Я

чувствую: она думает, что вызвала во мне неизведанные прежде чувства. Оценивает мой жест. Я улыбаюсь, и мне становится немного грустно. Потому что она думает не обо мне.

В переговорной стоял резкий запах мужского дезодоранта и застарелый воздух после предыдущего — видимо, нелёгкого — совещания. В 10:57 здесь уже были все, кому полагалось нервничать и бояться: руководители отделов и их ключевые люди. Кто-то резко открыл окно, и влетел залп холодного воздуха. В компании существовало два правила насчёт совещаний: не опаздывать (если ты не босс) и терпеть (потому что боссы любят похолоднее и никогда не прерываются на перерыв).

Я, как всегда, вошёл последним. Когда заходишь последним, сразу видишь картину: кто сел рядом с кем, кто оставил пустой стул между собой и соседом, кто нервно крутит ручку, а кто слишком старательно смотрит в ноутбук. Карта, по которой я прокладывал все свои карьерные пути. Я читал её внимательнее, чем повестку.

— Павел, присаживайся, — Иван Фёдорович, гендир, кивнул на стул справа от себя.

Приятно. Я здесь полгода, а он всё ещё думает, что я «его человек».

Я сел медленно, занимая как можно больше пространства. Положил перед собой закрытый блокнот. Никаких записей — я никогда не записываю на таких встречах. Записывает тот, кто боится забыть. Я не боюсь. Если что-то забуду — значит, оно неважно. Топы не сочтут это за неуважение, если ты после всего делаешь как надо и смотришь в глаза говорящему. Это выделяет меня на фоне остальных — опускающих взгляды школьников в этом взрослом забеге.

В 11:00 дверь закрылась. Мы начали.

Говорил финдир — толстый, с красными прожилками на носу. Олег. Он рассказывал про бюджет и потел даже ресницами — даже на улице в январе. Иногда, глядя на него, я думал: что случилось раньше — он раскабанел, когда пошёл в финансы, или пошёл в финансы, потому что выглядит как человек, который слишком много их поимел? Его голос — монотонный и надрывный одновременно. Я представил, как он говорит жене «Я больше тебя не люблю» или «Отсоси мне» с той же интонацией, с какой произносит «дебиторская задолженность». Посмеялся про себя, но продолжил слушать внимательно. Я всегда слушаю внимательно, даже когда хочется уснуть. Потому что именно в такие моменты — в скуке, в монотонности — люди проговариваются. Теряют бдительность или специально бегло прогоняют свои косяки, пока никому не интересно.

Мне интересно всё.

Олег назвал цифру — затраты на подрядчиков за третий квартал. Боковым зрением я зафиксировал: Иван Фёдорович нахмурился. Тут и гением быть не надо, чтобы понять: сумма завышена. Не сильно. Процентом на пятнадцать. Олег пилит. Иван Фёдорович подозревает, но не уверен. Олег знает, что Иван Фёдорович подозревает, и нервничает. Как удобно быть таким потным ничтожеством, которое будто нервничает всегда. В этом смысле я ему даже немного завидую: регулировать тело очень и очень сложно.

Треугольник Карпмана раскинулся на наших позициях: ИФ с Олегом перекидывают друг на друга роли Жертвы и Агрессора с болезненным удовольствием и осторожностью. Они с момента основания компании идут вместе и знают друг о друге достаточно. Поэтому один не торопится увольнять, а второй не торопится увольняться. Ох уж эти мужички из девяностых. А я среди них — Спасатель, который смотрит на пожар, но не планирует делать свою работу.

Я многого не умею, особенно в бизнесе. В моём первом резюме из правды были только имя и дата рождения. Зато всегда легко и с большим удовольствием я читаю людей. Удачно выучил это в детстве. Иногда приходилось угадывать настроение деда по звуку тишины в коридоре. Если тишина звонкая и вдруг раздаётся резкий звук — он трезвый, можно выходить. Если с другого конца квартиры доносятся шорохи, тяжёлые вздохи или постанывающий скрип табуретки — пьяный, лучше не отсвечивать. Я научился различать эмоции раньше, чем слова.

Мать со мной мало разговаривала, когда вышла на работу, и в какой-то момент стала просто на меня смотреть. К десяти годам я знал каждую мышцу на её лице — где расположена и как выглядит напряжённой. Наблюдения за ней мне хватало, чтобы компенсировать близость и диалог. А иногда — и заботу.

— Что думаешь, Павел? — спросил Иван Фёдорович.

Прямо в руки положил мне камень, чтобы я бросил его в Олега. Ждал, что я нападу, как его верная гончая, и тогда он сможет использовать это как предлог для проверки бюджета. Как в тот раз, когда пришлось уволить девочку, HR-директора, чтобы прикрыть его некомпетентность в планировании. Не зря я всё-таки вписал финансовое управление и MBA в свою «родословную». Вот только

— Думаю, Олег Викторович провёл серьёзную работу, — сказал я, глядя прямо на Олега. — Если бы мы могли получить расшифровку по каждому подрядчику, я бы взял на себя анализ эффективности. Чисто для оптимизации.

Три вещи произошли одновременно.

Олег выдохнул. Я видел, как его жирные бёдра расслабились, впуская меня в дружеский союз.

Гендир озадаченно засопел. Я отказался играть, но и не стал саботировать правила — будто у меня есть полезный для него план. И он доверился моей «инициативе».

А я получил доступ к бюджету подрядчиков. Через месяц я буду знать об отделе Олега больше, чем он сам. И когда придёт время — поставлю его на счётчик.

Когда стулья в переговорной опустели, Иван Фёдорович положил руку мне на плечо. Он любил этот жест — ему казалось, что так он выглядит как наставник из советского кино.

— Хорошо. Не стал рубить с плеча, а я бы рубанул, — он хмыкнул. — Шаришь?

— Да, — сказал я, глядя ему в глаза. Будто в этой фразе было хоть что-то осмысленное.

— Паша, мой сын — твоего, кстати, возраста. Раньше тоже много зарывался жалеть людей. Собачек этих, кошечек, тоже жалел, как сопля. А потом его одна такая укусила — и сорок уколов в живот. Я думал тогда: сам с ним рядом лягу, если вдруг — Он быстро взглянул в сторону и продолжил: — Так что не тяни. Жду новостей. Коммерческие директора у меня уже были, а толкового за пять лет из тридцати человек — ни одного.

Он с намёком замолк, поднял руки к груди, поправил запонки. Слава Богу — я как раз думал, как бы ещё раз ненароком взглянуть на его золотые часы. По кругу бежали дорожки бриллиантовой росы, будто на эти часы плакал ангел. Ни одной цифры — только витиеватая роспись с невинным переливом. А стрелки так трогательно выбивались из общей картины, что хотелось погладить их, сказать, что всё будет хорошо, успокоить, чтобы они не спешили. У этих часов наверняка есть история. И охренительный — просто волшебный — ценник.

Иван Фёдорович п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.